

18+

ЧТО ЕСТЬ ПРАВДА?

Мерутин Игорь Тимофеевич
Доктор наук

Тимофей Макутынович

Что есть правда?

«Издательские решения»

Макутынович Т. Л.

Что есть правда? / Т. Л. Макутынович — «Издательские решения»,

«Ты и лес», и только тебе думать, что есть правда и о чём книга. Я очень сильно старался заложить в книгу что-то для каждого из вас: например, философию, экшен, логику, секреты, головоломки, немного истины и щепотку ужаса.

Содержание

Вопрос, что есть правда?	6
Пролог	6
Часть первая. Алексей	8
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Что есть правда?

Тимофей Леонович Макутынович

Зеленый Тимофей Леонович Макутынович

© Тимофей Леонович Макутынович, 2026

ISBN 978-5-0070-4920-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вопрос, что есть правда?

Пролог Лес. Ночь.

Тишина здесь была не просто отсутствием звука — она была отдельным существом. Густым, Влажным, оно забиралось под одежду и холодило кожу. Где-То далеко ухнул филин, и этот звук только подчеркнул глубину безмолвия. Кроны сосен смыкались высоко над головой, не пропуская лунного света. Земля прижилила под ногами ковром из перегнившей хвои. Пахло сладко, утренней росой и как ни странно немного сыростью, Но, это не мешало Веять Искреннюю надежду выбраться, жертва колупалась словно Червь.

— Помогите...

Голос снизу. Из ямы. Хриплый, почти детский, но с тем особым напряжением связок, которое бывает у взрослого, сорвавшего горло криком. Голос отразился от земляных стен и ушёл вверх, в равнодушные кроны.

— Помогите, пожалуйста...

Сверху — тишина. Даже ветер стих, словно прислушиваясь. Только где-то вдалеке едва слышно шелестели осиновые листья на несуществующем ветру.

Шаги. Медленные, тяжёлые. Хруст веток под подошвами — не тревожный, не бегущий, а спокойный, размеренный. Человек не прятался. Человек знал, что ему нечего бояться.

Силуэт возник на краю ямы — тёмное пятно на фоне чуть более светлого неба. Лица не разглядеть, только очертания плеч и голова, чуть склонённая вниз. Человек смотрел в яму. Долго. Молча.

Слышно дыхание. Там, внизу, частое, сбивчивое, с влажным хрипом — похоже, задето лёгкое. И здесь, наверху, ровное, спокойное, как у человека, который только что вышел на вечернюю прогулку.

— Прости, — говорит голос сверху. Ни злобы, ни радости. Только усталость. Глубокая, как эта яма.

— Не... не уходи... — мольба снизу. Шепот, едва различимый. Слышно, как пальцы скребут по земляной стене, срываясь, не находя опоры.

— Я должен.

— Зачем? — В этом единственном слове — всё. Непонимание. Ужас. Последняя надежда, что всё это ошибка, что сейчас сверху протянут руку.

— Чтобы никто не узнал.

Шаги удаляются. Так же размеренно. Так же спокойно. Человек не обернулся ни разу. Его силуэт растворился между стволами, и лес снова сомкнулся за ним.

Лес затихает. Даже филин умолкает. Даже ветер не смеет шевельнуть ветвями.

Только запах гнили становится сильнее. Сладковатый, приторный, он поднимается из ямы, смешиваясь с ароматом прелой хвои и сырой земли.

Часть первая. Алексей

Глава 1

Алексей проснулся за минуту до будильника. Это была его единственная суперсила — он всегда просыпался ровно за минуту. Катя говорила, что это жутко. «Как будто у тебя внутри тикает часовой механизм», — смеялась она, но в смехе том всегда была нотка тревоги. Сама она просыпалась с третьим звонком, потом пила кофе полчаса, обхватив ладонями кружку, грея о неё озябшие пальцы, потом бегала по дому в поисках ключей, заглядывая во все вазы и под зеркало в прихожей.

Алексей сел на край кровати. Пружины матраса отозвались тихим скрипом. Он потянулся — хрустнули позвонки между лопаток, — и сразу встал. Никакой борьбы с собой. Никаких «ещё пять минут». Этой привычке он научился в армии, и с тех пор она стала частью его самого — такой же неотъемлемой, как шрам над левой бровью или манера смотреть собеседнику не в глаза, а в переносицу.

— Уже? — спросила Катя, не открывая глаз. Её голос был сонным, вязким, как мёд в холодный день.

— Уже.

— Тьфу.

Она натянула одеяло на голову, свернулась калачиком, поджав колени к животу. Алексей посмотрел на неё — на рыжие волосы, разметавшиеся по подушке, на голое плечо с россыпью веснушек, — и к горлу подкатил тёплый комок нежности. Он никогда не говорил ей, что каждое утро на секунду представляет, что видит её в последний раз. Это была профессиональная деформация — за тринадцать лет в убойном отделе он перестал воспринимать жизнь как что-то, что гарантированно продлится до вечера.

Алексей пошёл в душ. По дороге коснулся ладонью косяка дверного проёма — ещё одна привычка, происхождения которой он уже не помнил.

Вода была горячей, почти обжигающей. Он стоял, уперевшись руками в прохладный кафель, и смотрел, как струи разбиваются о его плечи, скатываются вниз по груди, по старым шрамам. Думал о деле. Четыре пропавших за два месяца. Все мужчины — от тридцати до сорока пяти. Все из одного района. Все возвращались с работы поздно вечером. Тела не найдены. Свидетелей нет.

Улики — только смытая кровь на кустах в трёх местах из четырёх и белые метки на деревьях. Метки эти были странные — не зарубки, не засечки, а будто кто-то мазнул белой краской из баллончика. Все на высоте примерно в полтора метра от земли. Все вели вглубь леса, к старой пилораме.

Он выключил воду. Резкий скрежет крана — и тишина, только капли стучат по эмали ванны. Вытерся жёстким полотенцем, которое Катя всегда ругала за то, что оно «дерёт кожу, как наждачка». Надел синюю куртку — ту самую, в которой ходил уже пять лет. Левый рукав был заштопан у запястья, на подкладке у воротника расплылось несмываемое пятно от кофе, а на внутреннем кармане Катя вышила зелёной ниткой его инициалы — А.В. — чтобы не перепутал с чужой на работе. Катя говорила выбросить. Тысячу раз говорила. Он не выбрасывал. В этой куртке он раскрыл семнадцать дел. Семнадцать. Она была счастливая.

На кухне пахло кофе. Запах был густой, горьковатый, с едва уловимой ноткой корицы — Катя всегда добавляла щепотку в турку. Она уже встала — двигалась быстро, когда злилась. Её босые пятки шлёпали по линолеуму. Наливала кофе в термос, ставила на стол тарелку с бутербродами. Хлеб был поджарен, колбаса нарезана толстыми кругляшами, а сверху — по листику петрушки. Катя заботилась о нём, даже когда дулась.

— Ты вчера не звонил, — сказала она, не глядя на него. Её пальцы, сжимавшие кружку, побелели на костяшках.

— Лес. Не было связи. Там, за пилорамой, вообще глухая зона — спутник не берёт, вышки не добивают.

— Ты всегда так говоришь. — Она всё-таки повернулась. Глаза у неё были серые, и в утреннем свете из окна они казались почти прозрачными, как вода в лесном озере.

— Потому что всегда возвращаюсь.

Она не ответила. Молчание было тяжелее слов. В нём помещалось всё: и тринадцать лет ожидания, и бессонные ночи, и страх, который она научилась прятать за раздражением.

Он поцеловал её в макушку. Волосы пахли ромашкой — её шампунь стоял на краю ванны уже столько лет, что Алексей и сам не заметил, как запомнил этот запах. Взял термос и ключи. У двери обернулся. Катя стояла в проёме кухни, сложив руки на груди. Розовый махровый халат, подаренный им на прошлый день рождения. Тапочки с заячьими ушами, которые она стеснялась носить при гостях.

— Будь осторожен, — сказала она. Голос дрогнул на последнем слог.

— Всегда.

Он вышел. За спиной щёлкнул замок.

Машина завелась с пол-оборота — старенький «Рено» цвета мокрого асфальта, с царапиной на правом крыле, которую он поставил, когда парковался у лесной тропы две недели назад. Алексей выехал со двора, миновал шлагбаум — сонный охранник махнул рукой, — и свернул на шоссе. Город ещё спал. В окнах девятиэта-

жек гасли последние ночные огни. На остановке одиноко стояла женщина в сером пальто, кутаясь от ветра.

Лес ждал впереди тёмной стеной, и Алексей чувствовал его присутствие ещё за несколько километров — как давление в висках перед грозой.

Он включил радио. Ди-джей говорил о погоде: «Сегодня в столице до плюс пятнадцати, в лесу — холоднее. Ожидаются заморозки на почве. Одевайтесь теплее, граждане». Алексей выключил радио прежде, чем заиграла музыка. Ему нужна была тишина. В тишине лучше думалось.

Он думал о новом напарнике. Сокол. Местный журналист. Странное имя — то ли псевдоним, то ли фамилия. Баранов сказал: «Он знает лес. Он знает людей. Он поможет». Алексей не любил помощников. За тринадцать лет у него было четверо, и ни один не задержался дольше полугода. Помощники задавали слишком много вопросов в неподходящее время, путались под ногами на осмотрах, а потом уходили писать статьи или спивались.

Он въехал в лес.

Дорога стала хуже. Асфальт кончился — возник резко, как строчка на ткани, — и началась грунтовка, разбитая лесовозами. «Рено» затрясло, в бардачке что-то задребезжало. Деревья смыкались над головой, делая небо узкой серой полосой, похожей на реку, текущую в обратную сторону. Пахло сыростью, хвоей и чем-то ещё — сладковатым, как тот запах гнили, который он уже чувствовал раньше на местах преступлений. Алексей сбавил скорость до двадцати километров в час. Искал поворот к старой пилораме.

Навигатор показал, что он на месте. Но вокруг был только лес. Густой, молчаливый, равнодушный.

Алексей заглушил двигатель. Тишина навалилась сразу, как будто кто-то нажал выключатель. Он достал телефон — нет сети. Экран показывал пустую шкалу сигнала и время: 7:42. «Отлично», — подумал он. И в ту же секунду из-за поворота вышел человек.

Серая толстовка с капюшоном. Простые джинсы, вытертые на коленях. Кроссовки с красными шнурками — яркое пятно, единственное, что бросалось в глаза. Лицо спокойное, почти безразличное. Ни улыбки, ни напряжения, ни любопытства. Человек двигался бесшумно — ни одна ветка не хрустнула под его ногами, хотя земля вокруг была усыпана сухим валежником.

— Сокол? — спросил Алексей, выходя из машины. Захлопнул дверцу громче, чем хотел — звук прокатился по лесу и затих где-то вдали.

— Да. — Голос был ровный, как линия на кардиограмме здорового человека. Ни приветствия, ни рукопожатия.

— Ты один ходил по лесу?

— А чего бояться? — Сокол чуть склонил голову набок. — Здесь никого нет.

— Ты не мог этого знать.

— Мог. Я здесь уже два с половиной часа. Обследовал периметр в радиусе километра. Ни души.

Алексей посмотрел на него. Сокол стоял неподвижно — не переминался с ноги на ногу, не прятал руки в карманы, не отводил взгляда. Просто стоял и ждал. Так стоят люди, которые привыкли быть одни и ни перед кем не отчитываться.

— Показывай, что нашёл.

Сокол развернулся и пошёл в лес. Без лишних слов, без оглядки — будто был уверен, что Алексей последует за ним. И Алексей последовал.

Они шли молча. Лес обступал их со всех сторон, и чем дальше, тем выше становились деревья, тем гуще ложились тени на мох. Пахло прелыми листьями и чем-то кислым — может, грибами, а может, гниением, которое всегда прячется под верхним слоем земли. Алексей считал шаги. Сто двадцать три. Сто двадцать четыре. Сто двадцать пять.

— Ты считаешь шаги, — сказал Сокол, не оборачиваясь.

Алексей сбился и остановился. Сердце пропустило удар.

— Откуда ты знаешь?

— Слышу. Ты шевелишь губами. Беззвучно, но артикуляция заметна. — Сокол тоже остановился и теперь стоял к нему спиной, не делая попытки повернуться.

— Ты наблюдательный.

— Это моя работа.

— Ты журналист.

— Журналисты наблюдают. Просто потом пишут. Я редко пишу. — В его голосе послышалось что-то похожее на иронию, но тень её была такой лёгкой, что Алексей не был уверен, не почудилось ли ему.

Они пошли дальше. Лес становился темнее. Кроны смыкались всё плотнее, закрывая небо, и солнечные пятна на мху становились реже и бледнее. Где-то справа треснула ветка — звук резкий, как пистолетный выстрел. Алексей вздрогнул, но не остановился.

Двести тридцать. Двести сорок.

— Стой, — сказал Сокол и опустился на корточки. Его движения были точными и экономными — ни одного лишнего жеста.

На листьях было тёмное пятно. Листья были дубовые, крупные, тронутые желтизной по краям, и пятно на них смотрелось чужеродно, как чернильная клякса на библиотечной книге.

— Кровь, — сказал он. — Свежая.

— Откуда знаешь?

— Края не подсохли. Роса ещё не успела высохнуть. — Он указал на соседние листья, на которых блестели мелкие капли утренней влаги. — Если бы кровь была вчерашней, она уже почернела бы и взялась корочкой. А она красная и влажная.

Алексей присел рядом. Колени хрустнули. Пятно было большим — с тарелку. И не одним — цепочка пятен уходила в сторону. Кто-то истекал кровью здесь, на этой поляне, может быть, даже держался за эти кусты, пытаясь встать. На коре осины, росшей рядом, остались бурые следы пальцев.

— И её пытались смыть, — сказал Сокол, проводя ладонью над листьями. — Видишь? Вода не дождевая — дождя не было три дня. А листья мокрые. Кто-то принёс воду и замывал следы.

— Кто?

— Тот, кто не хочет, чтобы мы нашли тело. — Сокол выпрямился. Отряхнул колени — два точных движения. Пошёл дальше.

Они вышли к старой пилораме минуты через три. Здание стояло на прогалине, как сломанный зуб. Крыша провалилась внутрь, обнажив стропила, похожие на рёбра мёртвого зверя. Окна забиты досками крест-накрест. Стены из потемневшего от времени и дождей бруса хранили на себе граффити — не современные, баллончиковые, а старые, вырезанные ножом: имена, даты, признания в любви давно умерших людей. Внутри было темно, хоть глаз выколи.

Сокол зашёл первым. Его серая толстовка почти сразу растворилась в сумраке. Алексей — за ним, включив фонарик. Луч выхватил из темноты стены, пол, заваленный обломками досок и битым стеклом, и надписи.

Они шли по кругу вдоль стен.

«Алексей. Следующий».

Буквы были крупными, рваными, вырезанными чем-то острым — может, ножом, а может, топором. Глубоко, почти на сантиметр в древесину. С краёв срезов свисали тонкие завитки свежей стружки.

— Это твоё имя, — сказал Сокол. Голос звучал ровно — ни страха, ни сочувствия. Констатация факта.

— Я вижу.

— Кто знал, что ты будешь здесь именно сегодня?

— Никто. Я сам не знал до вечера вчерашнего дня. — Алексей подошёл ближе, провёл пальцами по вырезанным буквам. Древесина была влажной и холодной. — Баранов дал дело вечером. Я никому не говорил, куда еду. Даже жене сказал просто «в лес».

— Интересно. — Сокол потрогал буквы. — Свежие. Сегодняшние.

— Откуда знаешь?

— Древесина светлая. Старые надписи тёмные — окислились, въелась грязь. А эта — жёлтая, почти как свежий срез. И пахнет смолой. Ей не больше нескольких часов.

Алексей смотрел на буквы. В луче фонарика они казались объёмными, почти живыми. А Л Е К С Е Й. Его имя, вырезанное чужой рукой в мёртвом здании посреди мёртвого леса.

— Кто это сделал? — спросил он. Вопрос прозвучал риторически, но Сокол ответил:

— Тот, кто следит за тобой. Или тот, кто хочет, чтобы ты думал, что за тобой следят. Второе эффективнее для создания паранойи.

— Ты говоришь загадками.

— Я говорю фактами. А факты — загадки, пока у тебя нет всех кусочков.

Они вышли из пилорамы. Лес стал ещё темнее, хотя до вечера было далеко. Небо затянуло тучами — тяжёлыми, низкими, цвета асфальта.

— Дождь будет, — сказал Сокол. Он стоял, запрокинув голову, разглядывая небо сквозь ветви.

— Откуда знаешь?

— Птицы низко летают. Вон, видишь, ласточки над просекой. Перед дождём мошкара опускается ниже, и птицы опускаются за ней.

— Ты за птицами следишь?

— Слежу за всем, что движется.

Они пошли обратно к машине. Алексей смотрел под ноги. Он больше не считал шаги — мысли были заняты другим. Кто-то знал, что он будет здесь. Кто-то вырезал его имя на стене заброшенной пилорамы. Кто-то смывал кровь и заметал следы.

Через час с лишним они вернулись в отдел.

В участке пахло бумагой и дешёвым освежителем воздуха с запахом «морской бриз», который на деле пах только химией. Лампа дневного света на потолке коридора ритмично мигала, создавая стробоскопический эффект. Баранов сидел за столом в своём кабинете, грузный, лысеющий, в расстёгнутой на две пуговицы рубашке. Перед ним лежала папка с делом, к которому он не притрагивался, но и не убирал в стол. Как будто ждал их.

— Ну? — спросил он, поднимая глаза.

— Кровь. Надпись. Ничего конкретного. — Алексей сел на стул, который жалобно скрипнул под его весом. — Кто-то знал, что я туда поеду.

— Или просто знал, что кто-нибудь туда поедет, — добавил Сокол. — Не обязательно ты. Может, любой детектив.

Баранов перевёл взгляд на журналиста. Между ними происходил какой-то безмолвный обмен информацией, которого Алексей не понимал.

— Сокол, что скажешь?

Сокол стоял у двери. Не прислонялся к косяку, не опирался на дверную ручку — просто стоял прямо, опустив руки вдоль тела. Алексей заметил, что он вообще никогда ни на что не опирается. Как будто в любой момент должен быть готов сорваться с места.

— Кто-то играет с нами. Умный. Осторожный. Знает лес, знает повадки зверей и людей. Но главное — он смотрит. Наблюдает.

— И что с того? — спросил Алексей.

— С того, что он среди нас. Или рядом. Кто-то, у кого есть доступ к информации о ходе расследования.

Баранов вздохнул. Его дыхание было тяжёлым, с присвистом — давал о себе знать лишний вес.

— Работай. И смотри под ноги. В прямом смысле, Лёша.

Алексей кивнул. Сокол вышел, прикрыв за собой дверь без единого звука — тоже редкость для этой двери, которая обычно хлопала так, что дребезжали стёкла.

Алексей остался один. Кабинет Баранова был маленький, заставленный шкафами с папками. На стене висела карта района с красными флажками на местах

пропаж. Четыре флажка. Четыре точки, складывающиеся в почти ровную линию, которая вела к лесу. Он смотрел на фотографии пропавших. Четыре лица — мужчина в очках с толстыми линзами, парень с трёхдневной щетиной, пожилой мужчина с военной выправкой, ещё один — совсем молодой, почти мальчик. Четыре судьбы. Четыре семьи, которые уже потеряли надежду, но ещё ждут.

Вошёл Игорь. Молодой детектив, двадцать пять лет, амбиции били через край. Он всегда ходил быстро и говорил чуть громче, чем нужно, словно боялся, что его не заметят.

— Нашёл что-нибудь? — спросил он, усаживаясь на подлокотник кресла. Достал из кармана пачку сигарет, но, поймав взгляд Алексея, убрал обратно.

— Кровь. Надпись с моим именем на стене пилорамы.

— Какую? — Игорь подался вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.